

СЕМИНАР «РУССКИЙ XVIII ВЕК»

A PETRO PERMOTI:
ПРОФЕССОРУ
ПЕТРУ ЕВГЕНЬЕВИЧУ БУХАРКИНУ
КО ДНЮ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ XVIII ВЕКА
ВЫПУСК 9

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2025

ББК (2Рос=Рус)1

Л64

Ответственные редакторы:

Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева

Л64 **A Petro permoti: профессору Петру Евгеньевичу Бухарину ко дню семидесятилетия** / отв. ред. Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева. — СПб.: Свое издательство, 2025 (Литературная культура России XVIII века. Выпуск 9). — 164 с.

ISSN 2310-5569

Девятый выпуск периодического сборника «Литературная культура России XVIII века», посвященный 70-летию профессора Петра Евгеньевича Бухарина, подготовлен учеными из Болгарии, Великобритании, Германии, Польши и России. В статьях сборника рассмотрены проблемы, связанные с научными интересами П. Е. Бухарина, в том числе с историей русской литературы, языка и культуры XVIII в.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов, а также для всех интересующихся проблемами истории русского языка, литературы и культуры.

ББК (2Рос=Рус)1

ISSN 2310-5569

© Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5	
НИКОЛАЕВ С. И.	«ОДНОГО РЕМЕСЛА ЛЮДИ В ОБЩЕСТВЕ БЕЗ ЗА- ВИСТИ ПРОБЫТЬ НЕ МОГУТ»	7
ВИРОЛАЙНЕН М. Н.	ПОЭТЫ КАК ЧИТАТЕЛИ (К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ЗОЛО- ТОГО ВЕКА)	12
~~		
ЯКОВЛЕВ В. В.	ДЖОН БЕЛЛ О ПЕТРЕ ПЕРВОМ	20
ВЕСЕЛОВА А. Ю., МИЛЮТИН М. П.	К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВ- НОЙ МИССИИ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ГОДЫ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ	28
ВАЧЕВА А.	КНИЖНЫЙ РЕПЕРТУАР В ПЕРЕПИСКЕ 1762– 1774 ГОДОВ ВАЛЕНТИНА ЖАМРЕ-ДЮВАЛЯ И АНАСТАСИИ СОКОЛОВОЙ (ДЕ РИБАС)	38
~~		
ТРОФИМОВ А. Е.	«ФАЕТОНОВА ПОГИБЕЛЬ» В РУССКОЙ ПАНЕГИ- РИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА	47
ТИРАСПОЛЬСКАЯ А. Ю.	ГРАФ НН КАК ПСИХОПАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ (К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЗМА В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Н. М. КАРАМЗИНА)	55
КАРПОВ А. А.	«ПЕРСТЕНЬ» Е. А. БАРАТЫНСКОГО И «ВЛЮБ- ЛЕННЫЙ ДЬЯВОЛ» Ж. КАЗОТА	63
ПЕТРОВ А. А.	ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РУССКАЯ ЛИТЕРА- ТУРА: ШТРИХ К КАРТИНЕ	75
~~		
КОСЬЯНЕНКО Н. Е.	ПРОБЛЕМА ПУТИ В ОДЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ФЕ- ЛИЦА»	82
МАТВЕЕВ Е. М.	«ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ» В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XVIII ВЕКА (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)	92

ГРИГОРЬЕВА Е. Н., ЗОЛОТУХИН В. Т.	ПРОЩАНИЕ КАК ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ (СТИХО- ТВОРение ПУШКИНА «К МОРЮ»)	101
РУБИНС М.	САМЫЙ «УМЫШЛЕННЫЙ» ГОРОД БЛИЖНЕ- ГО ВОСТОКА: ПЕТЕРБУРГ И «ТЕЛЬ-АВИВСКИЙ ТЕКСТ» РУССКО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	110
ГУСЬКОВ Н. А.	ДРАМАТИУРГИЯ М. Л. МИХАЙЛОВА И НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЕГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОКРУЖЕ- НИЯ (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВЕСНО- СТИ XVIII ВЕКА)	126
ЕКУЧ У.	ЛИТЕРАТУРА НА СЛУЧАЙ: ОБ ОДНОЙ ДЕРПТ- СКОЙ ЮБИЛЕЙНОЙ РЕЧИ	143
ВАРДА А.	П. Е. БУХАРКИН: МОИ ПЕТЕРБУРГСКИЕ И ЛОД- ЗИНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ	151
КОНСПЕКТ КУРСА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕ- РАТУРЫ XVIII ВЕКА, МНОГОКРАТНО ЧИТАН- НОГО ПРОФЕССОРОМ ПЕТРОМ ЕВГЕНЬЕВИ- ЧЕМ БУХАРКИНЫМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. СОСТАВЛЕН НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ГУСЬКОВЫМ В 1995 ГОДУ		
159		
НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РУССКОЙ КУЛЬТУ- РЕ ОСЬМНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ И НЕ ТОЛЬ- КО ОТ ЮНОШЕСТВА, ПРИБЫВШЕГО В САНКТ- ПЕТЕРБУРГ ИЗ ДАЛЬНИХ КРАЕВ, СОБРАННЫЕ И СОХРАНЕННЫЕ МАРИНОЮ ВАЛЕРЬЕВНОЮ ПОНОМАРЕВОЙ		
160		
ПРОФЕССОРУ ПЕТРУ ЕВГЕНЬЕВИЧУ БУХАР- КИНУ ПРИ ПУБЛИЧНОМ ЧЕСТВОВАНИИ ВЫ- СОКОТОРЖСТВЕННОГО ДНЯ ЕГО ШЕСТИДЕ- СТИЛЕТИЯ В ОСЕНЬ 2015 ОКТЯБРЯ МЕСЯЦА 19 ДНЯ. НА ГОЛОС ПЕСНИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ ПОЛОЖЕНА НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ГУСЬКОВЫМ		
163		

*Никита Евгеньевич Косьяnenко
(Санкт-Петербург)*

ПРОБЛЕМА ПУТИ В ОДЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ФЕЛИЦА»

Оде Г. Р. Державина «Фелица» посвящено немало исследований, в каждом из которых так или иначе говорится о противопоставлении ложных жизненных путей истинному (Пумпянский 2000: 92–94; Гуковский 1939: 339, 347, 351, 355; Благой 1957: 22–30; Серман 1967: 56–65; Серман 1973: 80–89; Западов 1979: 190–192; Алексеева 2005: 330–334; Проскурина 2006: 195–237; Пономарева 2010: 196–211; Щеглов 2014: 168–189; Golburt 2014: 34–55). Однако при внимательном чтении произведения обнаруживается ряд интересных аспектов этой проблемы, которые прежде оставались без внимания.

Отношение «Фелицы» к «Сказке о царевиче Хлоре» Екатерины II можно охарактеризовать словами Л. В. Пумпянского: «...ода входит в чужую, не ею придуманную замысловатую аллегорию, толкует ее, поддерживает фикцию до конца» (Пумпянский 2000: 94) и, хочется продолжить, весьма существенно ее усложняет, что ясно прослеживается на примере важнейшего для обоих текстов мотива пути.

Созданная императрицей иносказательная картина — трудная дорога на гору к розе без шипов как обретение добродетели — воспроизводится в самом начале оды:

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,

Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб¹.

Приведенные строфы объединены мотивом следования. Корень -след- повторяется в третьем («Открыла верные следы») и семнадцатом стихах («Но им последовать я слаб»). Действительно, согласно тексту монаршей сказки, к розе-добротели Хлор идет по следам тех крестьян, мещан, вельмож, царей и цариц, которые уже преуспели на этом пути (Екатерина II 1893: 105). По примеру Хлора, из желаний собственных духа и ума, то же самое хотел бы сделать и державинский мурза. И, на первый взгляд, у него есть все, чтобы повторить путь царевича: и «голос» Фелицы, которому в сказке соответствует «совет добрый», и сопровождение ее сына — Рассудка. Однако этого недостаточно: мурза слаб и не может последовать им. Значит, проблема в оде Державина заключена вовсе не в незнании образца, а в неспособности ему подражать. Существенно, что герой заведомо не готов отказаться от своего привычного образа жизни. Хотя «роскошь угнетает», он желал бы стать на верный путь, не лишаясь ее, почему и задается вопросом: «Как пышно и правдиво жить?» Но в сказке Екатерины обретение

¹ Здесь и далее стихотворение цитируется по изданию: (Державин 1868: 129–149). Курсив везде мой. — Н. К.

настоящего счастья просто несовместимо с роскошной жизнью султана Брюзги и мурзы Лентяга. Следовательно, испрашиваемое в оде «наставленье» не равно уже полученному в сказке.

С третьей строфы «Фелицы» начинает развертываться противопоставление единственно верного жизненного пути множеству ложных. Оно также взято из текста Екатерины, где по прямой и краткой дороге добродетели «не все ходят», потому что «останавливаются или сбиваются» на других дорогах, которых множество: «иные прямо лежащие, иные с кривизнами, иные перепутанные» (Екатерина II 1893: 105)². Схожую картину в державинской оде создают различные глаголы движения. Их можно подразделить на несколько групп.

Так, некоторые из этих глаголов обозначают *направленные движения*: «в клуб не ступишь и ногой», «к духам в собранье не въезжаешь», «не ходишь с трона на Восток». Эта группа формально относится к тому, чего не делает Фелица, однако, в сущности, перечисляет занятия ее подданных: посещение клубов и масонских лож, праздные мечтания.³ К перечисленному ряду, видимо,

² Сказка Екатерины выражает распространенную к тому времени дидактическую мысль, восходящую, вероятно, к Яну Амосу Коменскому. к такому выводу можно прийти, сопоставив содержание текста с аллегорической картиной СИХ («Этика») из детской энциклопедии «Мир чувственных вещей в картинках», созданной чешским педагогом в 1658 г.: юноша выбирает между путями, на которые указывают ему фигуры, олицетворяющие порок и добродетель. В пояснении к изображению сказано: «Следуй туда, куда ведет добродетель, через терпение к возвышению, к замку чести. Держись среднего и прямого пути, — здесь для тебя наиболее безопасная дорога. Берегись свернуть с правой тропы. Страсти, этого необузданного коня, укрошай уздой, чтобы не полететь в пропасть. Берегись уклониться на левую тропу, словно ленивый осел...» (Коменский 1957: 220–221). Упомянутому замку чести, расположенному на возвышении, соответствует в сказке Екатерины роза без шипов на высокой горе. В обоих текстах добродетель связывается с прямым путем, в то время как уклонения от него символизируют различные пороки, которые к тому же воплощены в персонажах: у Коменского — в коне и осле, у Екатерины — в султане Брюзге и мурзе Лентяге. За указание на параллель между «Сказкой о царевиче Хлоре» и книгой Коменского автор статьи благодарит Н. А. Гуськова.

³ См. комментарий Г. Р. Державина: «“К духам в собранье не въезжаешь”. — Императрица не жаловала масонов и в ложу к ним не ездила, так, как делали многие знатные» (Державин 1868: 134). Также и стих «Не

следует прибавить и такие глаголы в первом лице, которые касаются мурзы: «скаку к портному по кафтан», «лечу на резвом бегуне», «езжу на охоту», «на голубятню лажу».

Наряду с этими движениями, всегда направленными *не туда* по отношению к розе без шипов, есть и другое — скорее, неорганизованное — разнонаправленное или спонтанное движение: «Я под качелями гуляю; / в шинки пить меду заезжаю», ведь даже если предположить, что у самого гулянья в карете есть какой-то маршрут, чтобы заезжать в шинки, от него нужно постоянно уклоняться. Это хорошо описывает путь пашей, угнетенных роскошью: они, как в «Сказке о царевиче Хлоре», «проводят время в бесчисленных забавах» (Екатерина II 1893: 104), минуя прямой путь добродетели, а значит — и подлинного счастья.

В связи со сказанным примечательно, что мурза Державина проводит дни все-таки не тяготясь скучой, как персонажи Екатерины, но «мятись житейской суетою». «Словарь русского языка XVIII в.» дает четыре значения глаголу *мястись* (Словарь 2003: 111). Хотя цитата из «Фелицы» в качестве примера в словарной статье приведена для значения «быть в смятении, тревоге, сильном смущении», имея в виду уже сделанные наблюдения, можно сказать, что в оде это слово содержит в себе также еще одно из указанных значений, пусть поначалу неощутимое, но реализующееся в развертывании текста: «быстро и беспорядочно двигаться, метаться; находиться в движении». Персонаж Державина одновременно подвержен внутреннему беспокойству («страстей волненью») и настоящему пространственному метанию. Выразительный пример тому представлен в пятой строфе:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;

ходишь с трона на Восток», согласно примечаниям Г. Н. Ионина, отсылает к называемым «востоками» масонским ложам (Державин 2002: 559). Однако Я. К. Грот предполагал в этой строке намек на то, что императрица, в отличие от Потемкина, не мечтает о завоевании Персии и Индии (Державин 1868: 134–135).

Преобрашая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, взмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаясь нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Разросшиеся до вселенских масштабов мечтания мурзы внезапно обрываются послушным мелкому желанью реальным движением. Такая непоследовательность в ходе нерасчленимых, но и несогласованных мыслей и действий, эта «склонность к премене», порождает каждодневный хаос и, внутренне присущая душе как слабость, не позволяет преодолеть его самостоятельно.

И действительно, в некоторых фрагментах текста видно, что образ мурзы нередко связывается с фигурой круга. Время персонажа циклично и полностью отдано череде одних и тех же привычек: «Подобно в карты не играешь, / Как я, от утра до утра». Выход из этой череды мурзы не может даже представить, поскольку само воображение героя ограничено пределом пустых выдумок: «Преобрашая⁴ в праздник будни, / Кружу в химерах мысль мою». Все это лишь подчеркивает тщетность бегства «разврата за мечтами», противоположного хождению «путями света».

Интересно, что и в «Сказе о царевиче Хлоре» упоминается круг: «Наконец, мужчины и женщины, взяв друг друга за руки, сделали около Хлора и его проводника круг, начали плясать и скакать, и не пускать их далее; но пока вокруг вертелись, Хлора под руку ухватил Рассудок, и выбежали из круга так скоро, что в кругу вертевшиеся не могли их удержать» (Екатерина II 1893: 106). Но, если собственный рассудок не способен вывести державинского мурзу из порочного круга, как эта проблема решается в оде?

⁴ Уже слово *преобрашать* содержит в себе *оборот*, сама природа праздника здесь связывается с кружением.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть, как в державинском тексте явлен истинный путь. Во-первых, праздному мечтанию во все стороны он противостоит как скромный и строгий, посвященный трудам на благо подданных уклад жизни Фелицы: «*ток*» «полезных дней» — определение, само собой подразумевающее организованность, направленность движения. Так среди всех противопоставлений движения в оде зарождается и вечная антитеза: *круга*, с которым соотносится существование мурзы, и *вектора*, каким является «путь добродетели прямой». Во-вторых, в строках «Мурзам своим не подражая, / Почасту ходишь ты пешком» поэт, кажется, намеренно избавляется от каких-либо отвлеченных значений и аллегорический путь сказки будто воплощается — в частое хождение пешком, ставшее первым, что в быту отличает царевну от ее вельмож. Следует заметить, что к добродетели вообще вряд ли возможно ехать в карете, поскольку эта дорога предполагает усилие воли и самосовершенствование. Однако, начавшись как буквальное хождение, перемещение в физическом пространстве, путь к добродетели постепенно становится в оде все более и более абстрактным. Изменение происходит уже в четвертой строфе. Перечислив все, к чему не причастна царевна, поэт наконец говорит: «*Но, кротости ходя стезею, / Благотворящею душою / Полезных дней проводишь ток*». Союз *но* одновременно противопоставляет здесь и занятия персонажей, и два стилистических регистра оды, в которых говорится о разных жизненных путях: *сниженный*, насыщенный бытовой конкретикой, и *возвышенный*, исполненный отвлеченных категорий. Только занятия царевны описываются в обоих регистрах, причем соблюдается градация: в указанных строках *сниженный* стиль сменяется *возвышенным*. Описания жизни вельмож, напротив, не выходят за пределы *сниженного* стиля. Не случайно далее в тексте нет никаких указаний на быт Фелицы, в то время как повседневной жизни пашей отведены следующие шесть строф.

Высказанные замечания можно подтвердить наблюдениями И. З. Сермана: «Условно можно сказать, что поэтическая мысль державинской оды располагается в системе определенных представлений, взятых из различных сфер жизненного опыта. Этих

основных сфер три: идеология, история, частная жизнь. Каждая из этих сфер получает у него в оде свое место, свои средства выражения и особую композиционно-конструктивную роль. <...> Все три сферы его поэтического интереса в этой оде представлены (истина, история, частная жизнь), но в очень своеобразном сочетании. «Я», от имени которого ведется одилический рассказ, собирательно, оно принадлежит и самому поэту и многочисленным персонажам из придворного окружения, которых поэт контрастно Фелица изображает погруженными целиком, или почти целиком, в сферу частной жизни, только некоторые из них действуют в сфере истории. Зато сама Фелица, чуть-чуть причастная быту, действует в истории как служительница истины» (Серман 1973: 88–89).

До тринадцатой строфы эта область истины, или идеологии, подается в оде через аллегории из монаршей сказки, к которой последовательно отсылают и следующие за описанием привычек мурзы строфы одиннадцатая и двенадцатая:

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел, — но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученыe невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет,
Пашей всех роскошь угнетает. —

Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Эти стихи напоминают об эпизоде сказки, где Хлор впервые не слушает Рассудка, поскольку указанная им дорога кажется царевичу слишком долгой и трудной, и сам отправляется искать путь более короткий. Так же и в этом фрагменте оды Державин патетически утверждает, что даже «ненароком» обретшие путь добродетели «слабые смертные» не могут продержаться на нем. Ощущение безысходности передают строки: «Где ж добродетель обитает? / Где роза без шипов растет?» — преобразованные в вопросы стихи из первой строфы.

Кольцевая композиция первой части оды, напрямую отсылающей к аллегории Екатерины, словно должна отделить этот фрагмент от дальнейшего текста, но именно тринадцатая строка — иная по образности и настроению: парящая, абстрактная, приближенная, по замечанию Л. В. Пумпянского, к стилю Ломоносова (Пумпянский 2000: 95), — дает решение поставленных прежде проблем⁵. Противопоставление Фелицы мурзе, на которого «весь свет похож», доводится здесь до логического конца тем, что только монархине — «Единой», как Богу, — дана власть над хаосом. Параллелизм в стихах: «Из разногласия согласье / и из страстей свирепых счастье / Тебе лишь можно созидать» — подтверждает рассмотренную выше связь несчастья с неорганизованностью, разнонаправленностью. Согласование же этих движений происходит извне — силой царевны, стоящей над всеми «слабыми». Используемый поэтом топос корабля-государства (Казанский, Фролов 2010: 72–138; Пономарева 2010: 200) доводит рассматриваемый мотив пути до последней и самой решительной метаморфозы: «Так кормщик, через понт плывущий, / Ловя под парус ветр ревущий, / Умеет судном управлять». Нельзя не отметить того, насколько удачно этот образ корреспондирует с проблематикой державинской

⁵ Поскольку в «Фелице» всего двадцать шесть строф, можно сказать, что на композиционном уровне ода гармонично делится на две симметричные части, соотносящиеся друг с другом как вопрос и ответ.

оды: корабельное плавание невозможно без искусства навигации — того самого указания пути; к тому же оно представляет собой подлинную борьбу со стихией⁶. Жизненный путь отдельного человека связывается воедино с историей государства, которое, в свою очередь, уподобляется в устройстве самой Вселенной. Гармоничное взаимопроникновение этих трех уровней бытия, вероятно, разрешает внутренний конфликт державинского героя.

Итак, в «Фелице» создается парадоксальная модель соотношения общего и частного, при которой несовершенство и хаотическая природа отдельных элементов не мешают гармонии целого. Поэт преломляет созданную Екатериной аллегорию, расширяя и усложняя ее смысл, добавляя к этическому аспекту социально-политический⁷. Своими добродетелями державинская Фелица самоотверженно искупает многочисленные слабости ее придворных, в чем и заключается милосердие установленного ею порядка. Отсюда и новый путь к обретению счастья: сам по себе мурза не способен измениться и стать добродетельным, однако он может быть счастлив как подданный Фелицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева 2005 — Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.

⁶ Фигура монарха, усмиряющего воды, также является топосом одической поэзии (Погосян 1997: 103).

⁷ Любопытно, что идея трудной дороги к храму благоденствия, которую один за всех своих подданных должен пройти монарх, возникла задолго до «Фелицы» Державина. В 1751 г. Я. Я. Штелин подготовил следующую иллюминацию: «Представляется храм великолепия Российская империи на высокой каменной горе, к которому отнизу узкая, каменистая, ямистая и почти непроходимая стезя между голыми надвисшими камнями и каменными облаками простирается» (Ломоносов 1959: 990). к этому празднству Ломоносов написал стихи, начинающиеся так: «Желая к храму нас блаженства возвести, / Ты трудной путь сама должна была пройти, / Там горы, хляби там, бугры, стремнини, реки, / Препятствия везде, неслыханны во веки» (Ломоносов 1959: 408). Однако не удалось обнаружить свидетельств какой-либо осведомленности Державина об этой иллюминации или о надписи Ломоносова к ней. По всей видимости, они препрезентируют общие места культуры XVIII в.

2. Благой 1957 — *Благой Д. Д. Гаврила Романович Державин* // Г. Р. Державин. Стихотворения. Л., 1957. С. 5–74.
3. Гуковский 1939 — *Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в.* Л., 1939.
4. Державин 2002 — *Державин Г. Р. Сочинения* / ред. Г. Н. Ионин. СПб., 2002.
5. Державин 1868 — *Державин Г. Р. Сочинения* / ред. Я. К. Грот. Т. 1. СПб., 1868.
6. Екатерина II 1893 — *Екатерина II, императрица*. Полное собрание сочинений. Т. 1. 1893.
7. Западов 1979 — *Западов А. В. Поэты XVIII в.*: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин. М., 1979.
8. Казанский, Фролов 2010 — *Казанский Н. Н., Фролов Э. Д. «Государство-корабль»: история одной метафоры* // Русская судьба крылатых слов. СПб., 2010. С. 72–138.
9. Коменский 1957 — *Коменский Я. А. Мир чувственных вещей в картинках*. М., 1957.
10. Ломоносов 1959 — *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764*. М.; Л., 1959.
11. Погосян 1997 — *Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.* Тарту, 1997.
12. Пономарева 2010 — *Пономарева М. В. Стихотворения Г. Р. Державина к Фелице* // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII в. СПб., 2010. С. 196–211.
13. Проскурина 2006 — *Проскурина В. Рождение Фелицы* // Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 195–237.
14. Пумпянский 2000 — *Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма* // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 30–157.
15. Серман 1967 — *Серман И. З. Державин*. Л. 1967.
16. Серман 1973 — *Серман И. З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира*. Л., 1973.
17. Словарь 2003 — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13. СПб., 2003.
18. Golburst 2014 — *Golburst L. The first epoch: the eighteenth century and the Russian cultural imagination*. Madison, 2014.

«ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ» В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XVIII ВЕКА (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

«Охота к перемене мест» всегда была одним из главных свойств личности П. Е. Бухаркина. Без сомнения, ему очень близко карамзинское восприятие феномена путешествия: «приятно <...> переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется»; «путешествие питательно для духа и сердца нашего» (Карамзин 1984: 93, 94) и др. Не случайно Петр Евгеньевич всегда испытывал к фигуре первого знаменившегося русского путешественника особый интерес, причем интерес не только к его литературным достижениям, но и к его личности, человеческому облику и нравственной позиции (Бухаркин 1999). Тема или сюжет путешествия / поездки может возникать не только в русских прозаических травелогах XVIII в.¹, но и в лирических стихотворениях этой эпохи². Для этих текстов, в которых нахождение в пути и другие «дорожные» мотивы обычно эксплицитно выражены, характерна специфическая лирическая ситуация путевых размышлений и возникающей в условиях пути рефлексии. Отдельные стихотворения, в которых моделируется ситуация путешествия или поездки, своего рода «дорожные жалобы»³ XVIII в., будут предметом

¹ Обзор обширной литературы о них см. Соловьев 2021. Благодарю Н. А. Гуськова и А. Ю. Соловьева за ряд ценных замечаний и советов по теме настоящей статьи.

² Этим «поэтическим» путешествиям, как отмечают исследователи (ср., например, Куликова 2011: 58), уделялось, по сравнению с травелогами, значительно меньше внимания в научной литературе.

³ Выражение «дорожные жалобы» используется в настоящей статье в метафорическом смысле — как обозначение путевых размышлений, как правило содержащих мотивы пессимизма, недовольства, испытаний,